

Ефим Вихрев

Верность

Ефим Федорович Вихрев

Верность

Аннотация

«Палехский народный дом стоит обособленно, ничем незатененный, на скате холма. С холма сползают к речке кладбищенские кресты, березы, домики, бани. Лишь народом – огромный и стройный – прочно врос кирпичным фундаментом в землю и, в сравнении с окружающим, кажется незыблемым великаном. Пятьюдесятью высокими окнами он обращен на все страны света. В амбразурах фундамента – железные люки: в просторных подвалах все еще сохнут неоплодотворенные доски; безнадежно тоскуют они о ласкающих одеяниях красок, о мертвенном золоте нимбов, чудятся им перистые крылья архангелов, смуглолицые деревенские мадонны и капельки крови под терниями на лбу спасителя...»

Ефим Вихрев

Верность

Палехский народный дом стоит обособленно, ничем не затененный, на скате холма. С холма сползают к речке кладбищенские кресты, березы, домики, бани. Лишь нардом – огромный и стройный – прочно врос кирпичным фундаментом в землю и, в сравнении с окружающим, кажется незыблемым великаном. Пятьюдесятью высокими окнами он обращен на все страны света. В амбразурах фундамента – железные люки: в просторных подвалах все еще сохнут неоплодотворенные доски; безнадежно тоскуют они о ласкающих одеяниях красок, о мертвенном золоте нимбов, чудятся им перистые крылья архангелов, смуглолицые деревенские мадонны и капельки крови под терниями на лбу спасителя.

Но в самом нардоме не осталось воспоминаний об иконописной мастерской.

Солнце – конечный виновник всех изменений – по-прежнему неодинаковым светом теснится в комнатах.

Раньше оно путалось в лицах мастеров, воспламеняло тисненую медь образных облачений, переливалось по квадратам акафистов, блестело в несметных полчищах «всех святых».

Теперь оно успокаивается на сосновых скамейках зрительного зала, зайчиками ютится в листве декораций. В

следующем, читальном зале солнце образует веселое озеро из длинного стола, на котором иллюстрированные журналы беспорядочно плавают по газетным комплектам. И не солнце ли притворилось стенгазетой «Красный пахарь»? Не оно ли говорит о неувязках, бичует, хвалит, звенит стихами, смеется наивными карикатурами? С высоты, из-под потолка оно багровеет безграмотными и могучими лозунгами. А в той, в соседней с читальным залом комнате солнце останавливается на корешках книг, насыщая библиотеку мудростью и значением.

И оно прожигает рубашку библиотекаря – Федора Федорыча, сидящего с книгой в руках спиной к окну.

Федор Федорыч читает, быстро и беззвучно шевеля губами. Я не хочу мешать ему и дожидаюсь, пока он сам увидит меня.

Лысина его окаймлена ровной полоской рыжевато-седых волос. Опаленное зноем морщинистое лицо незаметно уходит в бороду. Глаз мне не видно, но морщинки, расходящиеся от них, отпечатлевают доброту и житейские тяготы. Рубашка обнажает волосатую грудь. Брюки, засаленные до блеска, слишком коротки, а босые костистые ноги – грязны.

Вот и весь облик Федора Федорыча. Впрочем, остались еще руки: они так грубы, что странно видеть в них раскрытую книгу...

Библиотекарь подносит ладонь ко рту и слегка поплевывает на указательный палец. Он хочет перевернуть страницу.

Но тут он замечает меня, стоящего в тени этажерок.

– Здравствуйте, – говорит он, смущаясь. – Зачитался вот. А вы, должно быть, давно ждете. Вы бы...

Федор Федорыч приятно картавит. И картавость эта придает его речи некое благородство. И странно мне слышать почти девические слова из уст мужиковатого библиотекаря.

Он встает, хозяйским взглядом окидывает книжные полки и, прищулив глаза, подходит ко мне. Смотрит он на меня так, как мастер смотрит на вещь, которую нужно переделать. И, как бы сообразив что-то, спокойно спрашивает меня:

– Вам из современной литературы что-нибудь?

– Нет, – говорю я, – мне нужен Фет.

– Фет? – удивленно повторяет Федор Федорыч, и в глазах его я вижу благодарность, хотя и не понимаю причины ее.

А уходя, я услышал слова, произнесенные не то робко, не то с некоторой гордостью:

– Очень трогательный поэт...

* * *

Вскоре я сидел на берегу Палешки, в тени большой ольхи и перелистывал томики.

В мутном бочаге плескались ребятишки, чумазые от загара. Они ныряли друг другу под ноги, прыгали с берега, залезали голые на деревья и, очертя голову, бухались в воду.

А невдалеке от купалища, среди кочек, вокруг единствен-

ной бутылки водки мирно сидели человек шесть кустарей – художников с мокрыми волосами. Это их всегдашний воскресный пикник после купанья.

Глядя на этих людей, никто бы, конечно, не подумал, что есть среди них люди, чья слава, взяв своим истоком Палех, мчится, разрастаясь, через уезд, через губернию, приостанавливается в Москве, и опять мчится, разветвляясь и проникая в салоны Парижа, в музеи Лондона, в небоскребы Нью-Йорка.

Тут, на этой лужайке – полноцветная душа Палеха, заключенная в простецких, полумужичьих фигурах [*Упоминающиеся дальше имена мастеров – действительные, а не вымышленные*].

Вон полулежит, облокотясь на кочку, Александр Васильевич Котухин – один из зачинателей «Артели древней живописи» и председатель ее. Он меньше других похож на сельского жителя. В глазах его светится высокая и спокойная уверенность в своих силах. Он расскажет вам о том, как туго пришлось иконописцам после революции; как мыкались они, сбитые с панталыку, неприкаянные, не зная, за что взяты; как они, навсегда распрощавшись с иконописью, поймали-таки секрет производства федоскинских лаков, как они одержали победу над подмосковными рисовальщиками [*Кустари села Федоскина Московской губернии, издавна занимавшиеся производством коробочек из папье-маше («федоскинские лаки»), держали в строгом секрете замечатель-*

ные технические особенности своего производства. Но в художественном отношении работы федоскинцев интереса не представляли и не представляют. Палешане путем долгих опытов вскрыли технические секреты федоскинских миниатюр и, соединив многовековые традиции иконописи с новым материалом и с новым содержанием, получили ту известность, какой пользуются в настоящее время и в СССР и за границей.].

Рядом с ним, держа на коленях свою модную соломенную шляпу, сидит Иван Петрович Вакуров, человек болезненный и, должно быть, несчастный. Он худ, он кашляет, ему уж за сорок лет, но выглядит он молодо, может быть, благодаря строго подбритым усам. Как противоречива его фантазия! Вакуров умеет соединять в своих работах крестьянскую простоту с модернизированной витиеватостью. Недаром так любит он изображать – в симметрической завершенности – древо познания добра и зла. И есть в нем большие творческие начала, хоть и говорит он порой: «твори, не твори, – все равно с сантиметра получишь».

А вон и старейший из мастеров, всегда бодрый старик с мудрыми голубыми глазами и седой бородкой – Иван Михайлович Баканов. Он, конечно, не пьет, а только разделяет компанию. Да и присел-то он тут, наверно, на минутку, по пути с гумна или из сарая. Он лучше других знает, где начинается и где кончается искусство. Каждая вещь его безукоризненно завершена и спокойно мудра, как ее творец. Он не

гонится за красочными эффектами, он не гордится изысканной линией, но зато умеет класть краски такими прозрачными слоями, в таких гармонических пропорциях, что созерцатель, всмотревшись в его работу, познает действительно новый и прекрасный мир.

А вот и мировой любимец, дерзновенный фантазер и художник-бунтарь Иван Иванович Голиков. У него впалые щеки, редкие черные усы и глаза пронзительно-острые. По костюму он имеет вид городского пролетария: черные брюки и пиджак давно требуют себе замены. Безмерно тяжела его жизнь и единственное спасенье для него – водка. Зато как он умеет работать! Он единственный из всех отдался своему ремеслу без остатка: он бросил крестьянство и от зари до зари склоняется над миниатюрами. Пусть на его шее виснут шестеро мальцев – он знает мучительную радость творчества! Глаз его точен в любых масштабах: от микроскопических завитушек на шароварах Стеньки Разина [*«Стенька Разин» – излюбленный мотив палехских кустарей*], который и сам-то величиной с комара, до грандиозных декораций в нардоме. Его миниатюры, или, как он называет их, предметы, являются красочным отражением его характера – беспокойно-могучего, нервного и трудолюбивого. Голиков умеет сталкивать множество яростных красок в одну немыслимую цветовую симфонию. Каждая сусальная линия, положенная им на папье-маше, как музыкальный аккорд, – самоценно-значительна. И он никогда не копирует, а только творит: любую сказ-

ку, любую песню он истолкует по-своему. «Милый! – хочеться закричать мне ему, – сколько предметов твоих гуляет по миру! Что дороже тебе: эта мировая слава или рюмка сорокаградусной?»

Я сижу, раздумывая об этих чудаковатых тружениках, о дипломах, полученных ими на заграничных выставках, о золотой медали «Grand prix», хранящейся в их мастерской. Их лукавый талант преобразил мужика в эстетическую условность. Каждый из них знает цену себе. В жизни они скромны, но в искусстве затейливы. Они не разговорчивы, но сколько бы могли они рассказать! Знают они любой монастырь страны, вдоль и поперек исколесили они страну. И, пройдя сквозь уничтожающее пламя революции, они вынесли в мир исподнюю правду своего ремесла и ремесло вознесли до искусства.

Не все, конечно, сохранили в себе любовь к ремеслу. О, далеко не все! Только немногие – всего пятнадцать-двадцать человек теперешних артельщиков – остались верны краскам и кисти. Эти немногие поняли, что в зеркально-черном папье-маше дышит искусство, освобожденное революцией из плена церковной мертвенности. И эти немногие – уже последняя, да, последняя и невозвратимая песня Палеха, последний вскрик рублевских поколений!

А большинство? Большинство иконников впряглось после революции в плуг, другие разбрелись по стране, третьи в алкогольном тумане вспоминают минувшие дни, четвертые

заялись чем попало. В Палехе каждый общественный работник – и кооператор и волисполкомец – бывший иконописец...

И библиотекарь, Федор Федорыч тоже, конечно, бывший иконописец... «Странный библиотекарь, – думаю я. – Все здесь чудное, все необыкновенное, особенное, свое...»

Жаркое солнце сквозь пушистые облака катится к западу. Бутылка у мастеров почти уж пуста, и разговор их становится оживленной. Вот уж я вижу, как Иван Иванович Голиков привстает с кочки и, держа огурец в руке, говорит что-то громко и возбужденно...

А томики Фета лежат у моих ног, напоминая мне о том, как мало нужно места, чтобы заключить великие волны искусства...

«Тоже вот и палехские миниатюры», – думаю я.

Вдруг сзади меня раздается ласковый картавый голос, и чья-то рука дотрагивается до моего плеча:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.